

Василевская Елена Станиславовна

УО «Белорусский государственный педагогический университет

имени Максима Танка»

e-mail: alena08@tut.by

УДК 81'373.231

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОВЕСТИ
ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ
СТАХА»**

Ключевые слова: прецедентные имена, экстралингвистическая информация, Владимир Короткевич, перевод, художественный текст

В статье рассматриваются прецедентные имена, употребленные в повести В.Короткевича «Дикая охота короля Стаха», определяется их роль в контексте, расшифровывается экстралингвистическая информация, содержащаяся в этих именах.

Глубокое прочтение художественного текста, по мнению И.Р.Гальперина, требует понимания трех видов информации – содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой. Однако и этого бывает недостаточно, чтобы понять идею произведения, оценить его художественные достоинства. Возникает необходимость обращения к внетекстовой, экстралингвистической информации, нередко заключенной носителями в прецедентных именах, использованных в художественном тексте.

Прецедентное имя связано или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией, это, по определению В.В.Красных, «своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [1, с. 48]. Как правило, прецедентные имена вносят в художественный текст «значительные объемы культурной

информации» [1, с. 49], и далеко не каждый читатель может эту информацию расшифровать.

Ситуация становится еще более сложной, если текст переводится на другой язык. Человек, читающий этот перевод, не всегда может понять зашифрованную информацию, заложенную в прецедентном имени, принадлежащем другой культуре. Возникают и такие случаи, когда одно и то же имя в разных культурах аккумулирует различные смыслы. Все это может привести к неправильной трактовке художественного произведения.

Примером сказанному может послужить повесть классика белорусской литературы Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Произведение является первым историческим детективом в белорусской литературе, сюжет которого часто сравнивают с «Собакой Баскервилей» Артура Конана Дойла. Но произведение белорусского писателя отличает мощная национальная идея, которая реализуется в первую очередь через образы Андрея Белорецкого и Андрея Светиловича.

Главный герой и рассказчик, Андрей Белорецкий, приезжает в имение Болотные Ялины, где сталкивается с загадкой дикой охоты, которая уничтожает представителей древнего дворянского рода Яновских.

Повесть стала очень популярной не только среди белорусов. Ее перевели на русский (В.Щедрина) и украинский (К.Скрипченко) языки. В 1979 г. режиссер Валерий Рубинчик снял одноименный фильм, который получил ряд наград на кинофестивалях в Италии, Франции, Канаде, США.

В повести употребляется большое количество имен реальных исторических персонажей, литературных героев, что связано, в первую очередь, с образом главного героя – интеллигента, человека энциклопедических знаний, фольклориста и этнографа по профессии.

Так, употребление имен писателей и литературных героев, с одной стороны, позволяет дать характеристику обстоятельствам, передать индивидуальную оценку событий, а с другой стороны, подчеркивает уровень образованности и начитанности самого Андрея Белорецкого: *Черт знает какой*

дурак надумал насадить в таком мрачном месте ели, но это было сделано, и парк, которому было никак не меньше сотни лет, был ненамного приятнее, чем известный лес у Данте [2, с. 374]; Вы знаете, я небольшой охотник до романов в духе мадам Радклиф и первый не поверил бы, если б кто рассказал мне о том, что случилось дальше [2, с. 378]; «Что мне это напоминает? — подумал я.— Ага, пушкинская Татьяна среди чудищ в шалаше. Обложили, бедную, как лань во время охоты» [2, с. 399].

Но чаще всего в повести В.Короткевича имена реальных людей становятся воплощением определенной исторической эпохи, способом выражения мировоззрения героя.

Например, имя **Иософата Кунцевича**: *Но в ту пору я в глубине души... был убежден, что не только из виселиц растут на земле леса (что, конечно, было правильно даже во времена Иософата Кунцевича и белорусской «доказной» инквизиции) и не только стон слышится в наших песнях* [2, с. 352].

Иософат Кунцевич, униатский епископ Речи Посоплитой, – неоднозначная личность в белорусской истории. В 1867 г. он был канонизирован католической церковью. А в историю Беларуси вошел как человек, который любыми средствами, даже самыми жесткими и жестокими, добивался своей цели. Иософат Кунцевич был убит во время Витебского восстания в 1632 г. Этим событиям посвящена драма В.Короткевича «Званы Віцебска» («Колокола Витебска»). В пьесе автор делает акцент на противоречивости характера этого человека. Однако в повести «Дикая охота короля Стаха» главный герой упоминает имя Кунцевича в таком контексте, который позволяет рассматривать время правления епископа (1618-1623) как очень кровавое и жестокое.

Вспоминается в повести и легендарный князь Великого Княжества Литовского **Витовт**, который в сознании белорусов является символом расцвета княжества: *Говорил, что русский булат берет медную пластину, польская «зигмунтовка» довольно толстый гвоздь, а эта — наша, секрет еще татары при Витовте завезли* [2, с. 422]. Имя употребляется в речи одного из персонажей повести – Дубатовка, который хвалит нашу саблю, и упоминание

имени великого князя, при котором и создали такое невероятное оружие, является показателем силы традиций.

Нередко введение прецедентного имени позволяет определить статус персонажа. Так, в начале повести мы узнаем, что ее главный герой является фольклористом и этнографом, причем достаточно известным. Об этом нам говорит имя реального исторического персонажа **Евдокима Романова** – одного из известных белорусских фольклористов и этнографов XIX в., основателя Могилевского церковно-археологического музея: *Но повсюду — и только это облегчало дело мое — я встречал внимание и помощь. И в лице малообразованного волостного писаря, который потом высылал записки сказок мне и Романову, и в лице дрожащего за хлеб сельского учителя ...* [2, с. 353].

Возможно, что для русского или украинского читателя информация, заложенная в именах известных деятелей белорусского истории и культуры, будет непонятна. Как не все поймут и следующее замечание главного героя повести: *Хотя среди мелкой шляхты тогда разговаривали по-белорусски, шляхта того слоя, к которому, видимо, принадлежал этот пан, языка не знала: среди гостей не больше десятка разговаривали на языке **Марцинкевича** и **Каратынского**, остальные на варварской смеси польского, русского и белорусского* [2, с. 400]. Действие в повести происходит в конце XIX в. Это период становления нового белорусского литературного языка, время, когда начинают появляться первые образцы белорусской профессиональной литературы. Среди первых писателей, которые создавали свои произведения на белорусском языке, были Винцент Дунин-Мартинкевич, основатель белорусской национальной драматургии, и Винцент Каратынский, написавший на белорусском языке несколько поэтических произведений. Для главного героя повести эти писатели – образец зарождающегося белорусского литературного языка.

Однако наиболее важным для понимания характеров героев, их идеалов и принципов является употребление в тексте повести имён **Кастуся Калиновского** и **Михаила Николаевича Муравьёва**.

Кастусь Калиновский – один из руководителей восстания 1863 г., представитель наиболее радикального крыла этого восстания, автор первой белорусской газеты. В белорусской истории он стал национальным героем, примером героического самопожертвования. Для В.Короткевича личность Калиновского имела особую притягательность. Известно, что на рабочем столе писателя стоял портрет Калиновского и перед ним светильник, который зажигался один раз в год – 21 марта, в день смерти первого белорусского революционера [3, с. 79]. Калиновский является действующим лицом самого известного исторического романа В.Короткевича «Колосья под серпом твоим» и главным героем пьесы «Кастусь Калиновский», где сюжет основана на конфликте Калиновского и Муравьева.

Противопоставлены эти имена и в повести. Вот как описывает комнату Андрея Светиловича рассказчик: *Гравированный портрет Марата в ванне, пораженного кинжалом, и написанный карандашом портрет Калиновского висели над столом. На другой стене карикатура: Муравьев с плетью в руке стоит на груди черепов. Его бульдожье лицо грозно. Катков, низко склонившись, лижет ему зад* [2, с. 472]. Автор показывает нам два разных по жанру произведения изобразительного искусства: карандашный портрет с изображением Калиновского, и карикатура с нарисованной фигурой Муравьева. Уже это позволяет нам говорить о пристрастиях персонажа. А поставленный в один ряд с именем *Марата* фамилия белорусского национального героя даёт возможность понять, что идеалами Светиловича являются свобода, самопожертвование ради великой цели. Такая же информация заложена и в имени *Софьи Перовской*, одной из руководителей «Народной воли», женщины, поднявшей руку на царя: — *Калиновский шел на виселицу. Перовскую, женщину, на которую только глянуть — и умирай, на эшафот...* [2, с. 466].

Революционный дух Светиловича, его стремление бороться за свободу народа подчеркивает и введение в контекст фамилии украинского поэта, основателя современной украинской литературы Тараса Шевченко: *Началось с*

того, что мы решили почтить память **Шевченко**. Нам пригрозили, что в университет введут полицию... Ну, мы взбунтовались [2, с. 412].

Граф Муравьев – участник Отечественной войны 1812 г., видный государственный, общественный и военный деятель Российской империи эпох Николая I и Александра II. Но для героев повести его имя связано только с подавлением восстания 1863 г. Люди, поддерживающие политику Муравьева, также выступают душителями свободы, в том числе и национальной. Это публицист **Михаил Катков** и попечитель Виленского учебного округа **Иван Корнилов**: *Я родился, как говорили в те времена, с «польской» фамилией..., в гимназии (а это было тогда, когда еще не забылся черной памяти попечитель Корнилов, сподвижник Муравьева) называли нас, беря за основу язык отцов, «древнейшей ветвью русского племени, чистокровными, истинно русскими людьми»* [2, с. 353].

Таким образом, использование прецедентных имён в художественном тексте тесно связано с реализацией идеи произведения, способствует более глубокому раскрытию характеров персонажей произведения. Однако нередко при переводе на другие, даже близкородственные, языки у читателя могут возникнуть трудности, связанные с расшифровкой информации, заложенной в этих именах. В таких случаях употребление прецедентных имён необходимо, на наш взгляд, сопровождать развёрнутым экстралингвистическим комментарием.

Литература

1. *Имя собственное* в художественном тексте : учеб.-методич. пособие. Авт.-сост. А.Н. Деревяго. Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. 195 с.
2. *Короткевич В.* Дикая охота короля Стаха // Черный замок Ольшанский : роман; Дикая охота короля Стаха : повесть. Минск: Маст. лит., 1984. С. 349 – 526.
3. *Мальдзіс А.* Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча : партр. пісьменніка і чалавека. Мінск : Маст. літ., 1990. 230 с.

Elena Stanislavovna Vasilevskaya
Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University
e-mail: alena08@tut.by

PRECEDENT NAMES IN THE NEWS VLADIMIR KOROTKEVICH "THE WILD HUNTING OF THE KING OF STAH"

Keywords: precedent names, extralinguistic information, Vladimir Kороткевич, translation, art text

The article discusses the precedent names used in V. Korotkevich's novel The Wild Hunt of King Stach, determines their role in the context, deciphers the extralinguistic information contained in these names

РЕПОЗИТОРИЙ БГУ